

НИКОГДА еще не было такого массового интереса к творческим дискуссиям, обсуждениям. На иные встречи с писателями читателям приходится прорываться, что называется, с боем. Между тем читательская конференция — это не развлекательное мероприятие. Здесь идет серьезный разговор, требующий от его участников работы мысли.

Бывая на подобных встречах, видишь, насколько такой разговор нужен, насколько он необходим многим и многим людям.

Недавно в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина проходило обсуждение документальных книг Даниила Гранина. В битком набитом зале в тот вечер не было равнодушных. Наиболее острый спор шел вокруг повести «Эта странная жизнь». На примере жизни своего героя Александра Александровича Любичева, ученого-биолога, писатель показывает, какие огромные нереализованные возможности скрыты в каждом из нас. Он говорит: многие за свою жизнь так и не пробуют узнать, на что они способны. Между тем человек может и должен сполна себя изведать. Надо только научиться разумно строить свои взаимоотношения со временем.

Действительно, трать время как придется и тем не менее постоянно сетуем, что его становится все меньше и меньше, что мы ничего не успеваем, хотя так торопимся всюду поспеть, что некогда иной раз даже останавливаться, чтобы подумать. Разве только изредка кольнет в самое сердце: а ведь то, что прошло мимо сознания, безвозвратно потеряно для тебя.

Но хорошо ли становиться «бухгалтером» собственной жизни? К чему приведет скрупулезное подсчитывание того, сколько часов, минут ушло на общение с друзьями, на разговоры по телефону, на то, на другое, на третье? Допустим, вы выработали свою систему времяпользования, выжали из своих способностей максимум возможного. Но стали ли при этом лучше, человечнее?

Вот тема для психологов: как прочитанное влияет на мировоззрение, как проблема, поднятая писателем, становится личной проблемой читателей? Люди размышляли, спорили, не соглашались и — принимали в книге основную: гражданскую, нравственную позицию писателя. Именно этим — личностным отношением, коллективным поиском ответов — прежде всего и интересны подобные обсуждения.

С самим процессом творчества связана какая-то тайна. Кажется, если узнаешь ее, что-то случится в тебе самом. Как сказала Мариэтта Сергеевна Шагинян, откроешь если не секрет бессмертия, то секрет вечно неуязвимой молодости души. Ответы писателей на читательские записки несут огромную информацию о живом процессе творчества, о его тайнах и законах, о самой духовной сути писательского труда.

Критики считают, что в вашем творчестве все больше заметно тяготение к документальной прозе. Вы действительно отдаете предпочтение этому жанру?

— Слово «предпочтение» кажется мне не вполне верным. Время от времени у меня действительно появляется потребность поработать в документальном жанре. Да и не только у меня — писатели во всем мире сейчас заинтересованно работают с фактом, с документом. Отчего такая тяга возникает, ответить не берусь. Тут многое не ясно мне самому. То ли потому, что надоест сочинительство — ведь каждый сюжет в конце концов придуман, это всегда условность, а наступает момент, когда хочется прикоснуться к достоверности, к подлинности. Может быть, потому, что необычайно возрос интерес к документальной литературе в среде читателей. Но как бы то ни было, обращение к факту всегда плодотворно для художника. Хотя замечу попутно, что документальный жанр очень опасный. Долго в нем работать нельзя, все-таки основа всякой литературы — сочинительство, а факты, если ими продолжительное время пользоваться, начинают связываться воображением, фантазией; тело и мускулатура сочинительства начинают слабеть. Поэтому, хотя документальная проза меня — весьма привлекает, вряд ли правильно говорить, что я отдаю ей предпочтение перед другими жанрами. Кстати, как раз в настоящее время мысли мои заняты новым романом.

— Когда вы работаете над документальным произведением, как собираете материал — исходя из проблемы или все происходит наоборот? Сначала обнаруживается фант или история чьей-то жизни, а уж потом возникает мысль о книге?

— Это не поддается арифметическому раскладу. Каждый раз по-своему. Например, работа над «Блокадной книгой» начиналась с замысла, кстати, возникшего не у меня, а у моего

соавтора, белорусского писателя Алеся Адамовича. А техника была простая. Мы ходили из дома в дом, разыскивали людей, записывали их рассказы на магнитофон. Вот этап рассказов был для нас самым тяжелым. Изо дня в день слушать исповеди о человеческих страданиях — невыносимо. А каково читать? Я тогда понял, что литературе все-таки не все дозволено, что, оказывается, есть вещи, которые нет не то что сил, а даже права переносить на бумагу.

Материала у нас накопилось достаточно: одних рассказов-выписок блокадников — а мы записали 200 человек — получилось около шести тысяч страниц. Кроме того, дневники, письма. Парадокс работы над документальной книгой состоит в том, что обилие материала не только не облегчает, но, напротив, усложняет дело. Чем больше материала, тем сильнее он сопротивляется, тем труднее в нем разобраться. Так, например, было, когда я соприкоснулся с судьбой Клавдии Вилор. История этой женщины заинтересовала меня по ряду причин. Во-первых, я не встречал в пехоте женщин-политработников. Встреча с ней укрепила меня в желании написать о коммунисте, о том, что значила на войне

пониманию материала и самого себя шла полтора года.

Еще сложнее было с Александром Александровичем Любичевым. Дело в том, что героя повести «Эта странная жизнь» я знал. Но масштабов его личности при жизни Любичева, конечно, не мог оценить. Относился к нему с недоверием, кое в чем даже со скепсисом, числил его в чужаках, но вместе с тем жило во мне и чувство восторженного ощущения того, что это действительно необыкновенная личность.

А ощущение исключительности человека всегда мешает, потому что невозможно писать, глядя на собственного героя снизу вверх. И, наверное, я так никогда не осмелился бы написать о Любичеве, не оказавшись в его жизни одна область, которую я вдруг воспринял как свою личную трагедию. Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь над тем, что жизнь — то человеческая очень коротка, что отпущенное нам время никак не растянуть, не затормозить, не остановить.

Как надо жить? Выступающие здесь товарищи говорили, что время надо тратить с пользой. А что такое польза? И вообще, во имя чего надо беречь время? Словом, мучила настоятельная потребность разоб-

ДИАЛОГ ЧИТАТЕЛЬ — ПИСАТЕЛЬ

Даниил ГРАНИН:

ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

его партийная совесть. Вотрых, за ее судьбой угадывалась судьба сотен и тысяч людей, прошедших через трагедию плена. Я понял — нужно как-то продолжить большую благородную работу, начатую С. С. Смирновым его «Брестской крепостью». И при всем при том взяться за работу смог далеко не сразу. Дело в том, что на фронте я тоже мог оказаться в ситуации Клавдии Вилор, — сам испытал, и не единожды, опасность плена. Я задумался: окажись на ее месте, как повел бы себя? В нашей солдатской жизни мы были воспитаны на том, что плен — это несмыслимый позор. И хотя умом я, конечно, понимал, что несчастье плена настигало даже самых важных, что в этой страшной беде людей винить нельзя, все-таки никак не мог побороть к ним чувства какой-то неприязни. Соприкоснувшись с конкретной судьбой, захотелось разобраться в том, о чем раньше не думал. Захотелось понять. Эта внутренняя работа по преодолению,

раться в этих вопросах. Попробовал сделать это на примере жизни человека, построившего собственную систему отношений со временем. Относясь ко времени, как к драгоценному дару природы, он пятьдесят шесть лет подряд анализировал, совершенствовал свои отношения с ним. А в итоге удельный вес труда в его жизни не только много выше обычного, но и необычного.

Признаюсь. Повесть «Эта странная жизнь» — единственная из всех написанных мной книг, про которую могу сказать, что хотел бы, чтобы ее прочитало как можно больше людей.

— Знакомство с биографией Любичева как-нибудь отразилось на жизни самого автора повести?

— Меня часто об этом спрашивают. И я всегда отвечаю, что не мог найти в себе силы жить по системе, примерно похожей на любичевскую. Я не смог, хотя очень хотел, вести учет каждого дня. И в общем, практически вроде бы никак не последовал примеру своего героя. Подспудно же он все-таки сыграл в моей

Более двух часов длился разговор читателей с Даниилом Граниным. Это был диалог на равных. Но в состоявшейся встрече принимал участие еще один человек — профессиональный критик. Как известно, во взаимоотношениях между читателем и книгой литературная критика исполняет нелегкую миссию — миссию посредника. По окончании конференции я обратился к доктору филологических наук Анатолию Георгиевичу Бочарову с вопросом: чем интересны такие встречи для критика?

ТРИ СООБРАЖЕНИЯ КРИТИКА АНАТОЛИЯ БОЧАРОВА

Открою секрет. Ожидая начала конференции, я услышал, как кто-то из работников Ленинской библиотеки спросил Гранина, какое свое произведение тот считает самым значительным. Гранин задумался, но не уклонился от ответа. По силе непосредственного воздействия на читателей он назвал «Эту странную жизнь». Я, признаюсь, удивился. Хотя я и высоко оцениваю эту повесть, по моему раскладу выходила все же иная книга, даже не из числа тех трех, что были вынесены на нынешнее обсуждение. Но когда потом в зале начались выступления, то почти все говорили об этой повести и ее герое Любичеве.

Наверное, дело было в любичевской ответственности за прожитую жизнь, за сделанное и не сделанное. Ведь эта повесть не об одном вершинном взлете, не о подвиге в экстремальных, как теперь щеголевато выражаются, условиях, а об опыте целой жизни. И страстность художника, открыто размышлявшего на примере конкретной судьбы о времени и Времени, службе и Служении, не оставила никого равнодушным. И первый вывод, в котором я утвердился, слушая выступления, — насколько, оказывается, нуждаются люди в таких книгах, где соединяются достоверность подлинной жизни и страстный поиск ответов писателем. Не назидательность беллетристического жизнеописания, а страстность извлечения уроков из жизненной судьбы

На конференции было много выступлений, еще больше вопросов. И было видно, как нужны такие непарадные конференции читателям. Послушать комментарий самого автора, получить ответ на недоуменный вопрос, утвердиться в своем мнении.

Но не менее нужен этот разговор и писателю. Почувствовать по реакции зала, какие мысли доходят, волнуют, а что осталось или остается непонятым или неприятным, безответным. И это был второй вывод, в котором я утвердился на конференции. Как важно создавать и как трудно сохранять тот душевный контакт, который возникает между равноправными собеседниками.

Ну, а каково же место критика в этом диалоге? С одной стороны, он в «президентском» рядом с писателем, а с другой — он выражает свое читательское мнение. В сущности, тем, что критик выступает первым, начиная обсуждение, и исчерпывается его роль. А наиболее интересное для самого критика и начинается потом. Следить, насколько мнения, мысли, оценки выступающих совпадают с моими, а также в чем они сами солидарны между собой, в чем расходятся. А потом услышать, как писатель деликатно спорит с тобой, с твоей интерпретацией, и что нового, неизвестного тебе открывает он из своей писательской «кухни». И сам собою сложился мой третий вывод.

Лишний раз услышать, как писатель сам комментирует им написанное, наглядно почувствовать, как же аудитория реагирует на сказанное тобой, чтоб не ощущал себя соловьем на ветке, опьяненным собственными руладами, а чтоб делал говорил.

жизни ту роль, что я стал гораздо болезненнее ощущать нелепо растратенное время. Пример Любичева был для меня значительным уроком, ибо я пришел к выводу: наполнение времени, например, для моей работы стоит прежде всего в том, чтобы больше думать, размышлять, наблюдать. То же самое, наверное, можно сказать о людях других профессий. Многие читатели рассказывали мне, что они начали механически переносить систему Любичева в свою жизнь. Сначала мне казалось, что копирование бессмысленно. Но затем я убедился, что и оно плодотворно. С чего-то ведь надо начинать. Ведь если каждый из нас с хронометром в руке проверит, на что расходуется, куда час за часом уходит время, то окажется, что оно порой расходуется до обидного впустую и ничемно.

— Как вы относитесь к скорочтению? Является ли вы сторонником быстрого чтения?

— Да, я являюсь сторонником быстрого чтения плохих книг.

— Как вы читаете художественную литературу?

— У меня есть естественная потребность каждого человека перечитывать классику. Я в этом нахожу для себя огромное наслаждение. Постоянно делаешь какие-то открытия и в том, что перечитываешь, и в самом себе. С таким чувством перечитываю сейчас Пушкина, Чехова, Достоевского.

— Какова роль книги в будничестве?

— Точно ответить на этот вопрос не смогу. Но что касается нынешнего времени, то, по моим наблюдениям, сейчас читают гораздо хуже и роль книги ниже, чем даже лет тридцать назад. Вы можете возразить: как же так, сейчас же читают значительно больше, чем прежде! А я отвечаю: ну и что из этого? Мы порой склонны переоценивать значение статистики. Приобретают книг больше и читают больше. Но как? Примерно так, как ходят по Эрмитажу — гаплом, не успевая осмыслить, прочувствовать, страдать. Вы не заметили? Люди, желая как можно больше «охватить» культурных мероприятий, постоянно перескакивают с одного развлечения на другое. Но ведь это еще вопрос, чего тут больше — хорошего или плохого. Книга не успевает «запасть в душу», «прорасти». В моде одни и те же книги, фильмы, спектакли, стихи, песни. Но это ведь чисто внешние приметы культуры, а не истинно духовные устремления. Потому что не могут люди, разные и по роду занятий, и по своему характеру, любить одно и то же. Истинная культура чужда стереотипу, она требует личного, заинтересованного отношения, пристрастности. Полагаю, что это все-таки временное явление. В людях есть внутренняя, нравственная потребность души, настоятельная потребность интимного общения с книгой. И в этом смысле роль книги, дающей возможность не пассивного, а активного восприятия жизни через литературу, будет, безусловно, возрастать.

— Вы пишете об инженерах-ученых. А знаете ли вы гуманитариев? Не хотите ли за счет гуманитариев-ученых расширить тему нравственных проблем?

— Я против такого деления. Занятие любой наукой имеет, как всякий процесс творчества, много принципиально общего. Мир ученых мне особенно близок. Но в последнее время мои интересы лежат в несколько иной сфере — хочется написать о нашей российской интеллигенции. Наша интеллигенция очень многое вынесла, очень многое выдержала, и хочется рассказать о том, какой она была, какая есть и какой она может быть.

— Кого вы считаете своим учителем в литературе? Чьи традиции пытаетесь развить в своем творчестве?

— Я менял учителей. Кумиром был то один, то другой. Но приходит время, когда стараешься избавиться от всего того, чему научился. Вот есть период, когда осваиваешь то, чему научился. Но есть и третий, когда стараешься извлекать от всего этого. Я сейчас как раз нахожусь в третьем периоде.

Записала
В. ПОМАЗНЕВА